

The President and Fellows of Harvard College

"On Ukrainian Separatism": A GPU Circular of 1926

Author(s): YURI SHAPOVAL, IURII SHAPOVAL, Roberta Reeder, Yuri Minyayluk and Yakov Gubanov

Source: *Harvard Ukrainian Studies*, Vol. 18, No. 3/4 (December 1994), pp. 275-302

Published by: [Harvard Ukrainian Research Institute](#)

Stable URL: <http://www.jstor.org/stable/41036904>

Accessed: 05/10/2014 17:40

Your use of the JSTOR archive indicates your acceptance of the Terms & Conditions of Use, available at
<http://www.jstor.org/page/info/about/policies/terms.jsp>

JSTOR is a not-for-profit service that helps scholars, researchers, and students discover, use, and build upon a wide range of content in a trusted digital archive. We use information technology and tools to increase productivity and facilitate new forms of scholarship. For more information about JSTOR, please contact support@jstor.org.

Harvard Ukrainian Research Institute and The President and Fellows of Harvard College are collaborating with JSTOR to digitize, preserve and extend access to *Harvard Ukrainian Studies*.

<http://www.jstor.org>

“On Ukrainian Separatism”: A GPU Circular of 1926

YURI SHAPOVAL

In November 1918 the leader of the leftist Social Revolutionary party, Maria Spiridonova, who was in Bolshevik custody in the Kremlin (charged with organizing the July Left-SR putsch in Moscow), wrote an open letter to the TsK RKP(b) (Central Committee of the Russian Communist Party-Bolsheviks). Condemning the Terror, whose basic tool was the Extraordinary Commission (*Cheka*), she noted specifically:

Just as in the French Terror, in Russia only the beginning was difficult, and what the Bolshevik “Chekists” turned it into surpassed all our possible fears . . . The correspondence in the newspapers by Chekist ideologues testifies to their unbelievable mental and moral poverty, and their eagerness to carefully protect their total independence, which can engender extremely difficult complications for their own Communist party. Very soon you are going to end up in the hands of your own “Cheka.” Perhaps you are already in its hands.¹

How serious were these “complications” noted by Spiridonova for the Bolshevik Party? In what way did the party itself end up in the hands of the organs of the Cheka-GPU, and the NKVD nurtured by it? On the basis of what principles did these organs act? What was determined by their initiative, and what by the initiative of the “ruling and steering power,” that is, the party? Is it not surprising that even now, despite the great number of publications about the Bolshevik system and especially about its repressive punitive structure, one cannot always find complete answers to the questions posed? The wave of *perestroika* publications in the former USSR had ebbed completely by the end of the 1980s, but its results, unfortunately, still lack serious, above all scholarly documentary works about the functioning mechanism of the Cheka-GPU-NKVD, their place and role in the system of the Communist governing structure.

Nevertheless, it is certainly relevant to make quite clear how necessary this kind of inquiry is for the objective understanding of the nature and essence of the Communist regime. And at this point the example of Ukraine is very important. The Leninist-Stalinist leadership always considered Ukraine extremely significant, viewing it as a proving ground for testing their numerous political decisions, believing that retaining Ukraine in the composition of the Soviet Union, which was proclaimed in December 1922, was the chief condition for the very existence of its formation, with its center in Moscow.

Harvard Ukrainian Studies 18(3/4) December 1994: 275–302.

On February 6, 1922 the All-Russian Central Executive Committee in Moscow decided to abolish the All-Russian Extraordinary Commission (All-Russian Cheka—VChK) and to create the State Political Administration—GPU—under the NKVD RSFSR. Reactions to these changes were clear in Kharkiv, at that time the capital of the Ukrainian Soviet Socialist Republic (UkrSSR) by the Regulation of the All-Ukrainian Central Executive Committee (VUTsVK) dated March 22, 1922. This regulation abolished the All-Ukrainian Extraordinary Commission for struggle against counterrevolution, speculation, and corrupt officials, and its local organs (Russian abbreviation—VUChK). The State Political Administration (GPU) of the UkrSSR under the NKVD UkrSSR was organized. Its local organs were the provincial departments created under provincial executive committees, acting on the basis of a special status approved by the Presidium of the VUTsVK.

The chief of the GPU UkrSSR, the Moscow Chekist V. Mantsev (at that time former head of the VUChK, who had been sent to Ukraine in 1919, and would be shot in 1938) was, with the approval of the GPU RSFSR, the exclusive representative of the latter in Ukraine. Special intelligence departments and transportation departments that were to carry on the struggle against crime in the army and in transportation on the territory of the UkrSSR, as well as the GPU troops in Ukraine, were subordinate to him.

The reform was aimed at transforming temporary and extraordinary security forces into forces to be included by the People's Commissariat of Internal Affairs in a general system of the communist government structure. There was good reason for the chief of the GPU to simultaneously become People's Commissar of Internal Affairs. The activity of the GPU was supposed to be carried on under the supervision of the recently created Office of the Public Prosecutor. On November 15, 1923 the Joint State Political Administration (OGPU) was formed under the Council of People's Commissars of the USSR, with the aim of uniting all the efforts of the republics in the struggle with political and economic counterrevolution, spying, and banditry.

The head of the OGPU was Feliks Dzerzhinskii. In the UkrSSR, in accordance with the Moscow reforms of August 13, 1924, the VUTsVK and the Radnarkom (Council of People's Commissars) of the UkrSSR approved the statute on the GPU UkrSSR. It was legally confirmed that the GPU would be formed under the Radnarkom UkrSSR, and its Chief (he was at the same time an official of the OGPU USSR) would become a member of the Government with the right of a deciding vote. The GPU was to execute all tasks of the VUTsVK and RNK UkrSSR, and would be governed in its operations by the OGPU USSR. The supervision of cases opened by the GPU UkrSSR was to be carried out by the Prosecutor of the UkrSSR through an assistant specially appointed for this purpose within limits stipulated by legislative acts. From August 1923, the chief of the GPU UkrSSR was Vsevolod Balitskii, and in November of the same year he became a member of the Collegium of the OGPU USSR. On March 3, 1924 he also became chief of the NKVD UkrSSR.

Associated with his activity are facts and documents that testify that the Cheka-GPU always carried out a determined and purposeful struggle for the expansion of its sphere of influence, and in order to prove the necessity, expediency, and importance of its existence.² It is relevant to emphasize, moreover, that the security organs in Ukraine always acted under strict control from the center, which actually made them an obedient tool in the hands of the Moscow authorities. Let us recall that the All-Ukrainian Cheka (VUkChK) was formed on December 3, 1918. Already on July 3, 1919, by special legislation of the VChK, it was abolished. This was caused by several factors, one of the most important of which was the desire for continual control of the situation in Ukraine on the part of the Moscow leadership by placing its people in key branches. The above-mentioned regulation follows:

1. The VUkChK is abolished. 2. All local Chekas in Ukraine will be subordinate to, and be regulated by instructions and directions from, the VChK [All-Union Cheka]. 3. The VChK will delegate one of its members to Kyiv for purposes of providing information to the Radnarkom of Ukraine and for controlling how the local Chekas conduct their activities. Kurskii, Krasin, Dzerzhinskii.³

From that moment all changes in personnel and all central questions concerning the activity of security organs in Ukraine were decided only with the agreement of, or directives directly from, the Lenin-Stalin leadership. At the same time, this reveals that the security organs stated quite early and unambiguously that they would not permit anyone to take real control of their activity. Let us look at an example: In the official historiography of the VChK there is a vast amount of material about how local control was conducted by the Workers' and Peasants' Inspections. The real picture was somewhat different, as proved, for example, by Decree No. 11, dated March 4, 1921, of the Central Administration of the Extraordinary Commissions to Conduct the Struggle against Counterrevolution, Speculation, and Corrupt Officials (TsUPChREZKOM) under the Council of People's Commissars of the UkrSSR (formed March 17, 1920). In one of its paragraphs we read:

Considering that the Cheka is the fighting organ of the dictatorship of the proletariat, it is particularly important under conditions of intensified civil war that the civil war requires rapid and merciless reprisal against the enemies of Soviet power, [and that] the Worker-Peasant Inspection in its supervision over possible crimes by certain agents of the Cheka must guard especially against not becoming a support of the dissatisfied petty bourgeoisie, who are ready to grumble about the work of the Cheka.⁴

But “to grumble about the work of the Cheka,” whose arsenal of activity from the very beginning included such illegal methods as taking hostages, massive shootings, and so on, appeared very difficult, not only because this organization was skillful in concealing its actions behind a mask of mystery and state necessity, but also because it coordinated its work with party organs and acted

as tools of the latter in solving many problems vitally important for establishing the Communist regime.

Not in vain did Dzerzhinskii repeat, "The Cheka must be the organ of the Central Committee, otherwise it will degenerate into the Okhrana [Tsarist Secret Police] or an organ of counterrevolution."⁵ In February 1919, the TsK RKP(b) noted that "Chekas have been formed, exist, and work only as direct party organs according to its directives and under its control."⁶

Thus, from the very beginning the organs of the Cheka-GPU, established by the party under special conditions, appeared to receive "indulgence" for their present and eventual "sins." I was able to find an enormous number of documents that prove and brilliantly illustrate the multifaceted and mutual profitability of the Party-Chehist tandem. These relations have been characterized in particular by Mantsev's unique note to Stanislav Kosior, who headed the TsK KP(b)U from April 28, 1920, written on the official stationery of the Chief of the Cheka of Ukraine (Kharkiv, Myronosyts'ka Street, 8):

Comrade Kosior, Boris Sokolnik is an anarchist, worked with the Communist underground in Ukraine. Then he went astray and was arrested by us for excesses. He was released by me upon his vow not to return to his former activity. He's a good guy. He had typhus. He needs some help. Perhaps money as well (for his underground work) and to help get him established. For his situation is a mess. V. Mantsev.⁷

A note on this document, written by an unknown hand, reads, "I gave him 7,000 karbovantsi."⁸

On May 29, 1920, the TsK KP(b)U made an announcement "To all Gubkoms [provincial committees] and Political Departments of the Army and Navy," in which it was emphasized that after their failure in armed struggle, "the counterrevolutionaries transferred their struggle with Soviet power to a different level. They are eager to penetrate into all organs of the military, economic, and administrative departments, so that sitting there, they can slow down and destroy all efforts of the Workers' and Peasants' government to organize the civic and economic life of the Republic."⁹

Further in this declaration it is noted that inasmuch as "the struggle with this form of counterrevolution is particularly difficult," the TsK KP(b)U "must first force" all commissars and Communists who work in the army to be constant informers for the special departments. Second, it suggests to all political departments of the army and the front, as well as the Political Administration of the Republic and important party organizations, that they delegate the most responsible, tested, and experienced party workers for the work of the Special Department.¹⁰

The above-mentioned characteristics of Cheka-GPU activity—especially the close alliance with party organs and even a readiness to substitute them in certain situations; an aura of secrecy creating the image of an organ that would use any methods exclusively in the interests of the state; and, finally, the real

possibility of using force (which always could be justified by the same “interests of the state”)—all this compelled the Chekists to play a larger and more influential role in civil and political life, and to influence the decision-making process of the ruling party organs more strongly.

In Ukraine, all these processes were connected first of all with the activity of Vsevolod Balitskii, who headed the GPU-NKVD in Ukraine (with a short break) up to 1937, and then was repressed. It is with his name that the continual development of a negative attitude toward everything Ukrainian as “bourgeois-nationalist” is connected. Facts represented from histories and the document base also permit one to state that from the very beginning, the key role in the process of forming the party-political administration’s ideas about the tendencies and conditions of civil life was played by the Secret Operations Administration, which was formed by Decree No. 20/114 of the VUChK, dated May 6, 1921. This administration (headed by the famous Chekist Iukhim Evdokimov, who also was later killed) at that time consisted of a political department, a special department, a department for the struggle with banditry, an operations department (supplementary), and an office.¹¹

The first of these departments was given work on “political parties and political groups of a counterrevolutionary nature.”¹² Many operational-information files that had been sent to the TsK KP(b)U are preserved in the Central State Archive of Civic Associations of Ukraine (the former Party Archive of the Institute of the History of the Party under the Central Committee of the Communist Party of Ukraine) in Kyiv. For the period 1919–1921 they are dedicated mostly to the struggle with the phenomenon called “banditry.” Moreover, scholars should be more careful and pay attention to what criteria defined the word “banditry” at that time. As a rule, these documents had the title “Operations-Information File #___ on the movement of banditry in Ukraine” for a given period of time.

These files were mainly functional and did not make claims to any particular political generalizations, nor did they make actual recommendations, but the “Conclusions” sections had concrete significance. For example, a file from September 13, 1921 states: “It is relevant to pay attention to the appearance of the unknown band in the Slovians’k district and the operations of the Pohorili band in Bakhmut. The attack on the *radhosp* [state farm] by the Zabolotnyi detachment is noteworthy. The general situation of the surrounding area is without any basic change.”

At the same time, in the documents of that period we also find recommendations of a broader nature, to which party-state leaders paid careful attention. For example, on February 20, 1921, an employee of the Special Department of the TsUPChREZKOM, A. Formaister, sent Dzerzhinsky, Mantsev, and Ievdokimov a report about his work with a group of Chekists on investigating the political section of the Oleksandrivs’ke district (province):

Banditry in Ukraine, and mainly in the Oleksandriv's'ke province and surrounding areas, has a massive, almost insurgent character. One has to be careful. On the one hand, as I said before, it is necessary to carry out thorough Chekist work, in order to ferret out weapons and pull out and destroy the very roots of the packs of bandits operating. On the other hand it is necessary to think about a way to destroy the foundation and conditions which engender this massive banditry. Here a radical change of tactics and methods of all Soviet organs is required.

What the author provides is an interesting characterization of the relationship between the Gubkom (the provincial committee), the Gubrevkom (the provincial revolutionary committee), and the Gubcheka (the provincial Cheka):

Between the Gubkom and Revkom, on the one hand, and other institutions on the other, there is always constant tension, which eventually gets down to the personal level. The Gubkom and Revkom constantly view the Gubcheka as a stepchild, as an institution that brings only harm and stands in the way of their work . . . Through their relationship to the Gubcheka and their inappropriate interference, they only slow down the work done by the Cheka, which is minimal even without this . . . And as to the rest of the institutions, I can say that complete sabotage and a bourgeois attitude toward the situation are flourishing.¹⁵

The bulletins of the political department of the VUChk provide reports on the political mood relating to events in civic life. I was able to analyze a fairly large number of these bulletins, for example, those dedicated to the meetings in Kharkiv in connection with elections to the Kharkiv local council in October 1921. As a rule, in an addendum to these bulletins one can find documents which prove the existence of political parties and currents that are alternatives to the Bolshevik Communists. Thus, for example, during the elections that were held in the Kharkiv Railroad Car Workshops and Main Depot on October 28, 1921, candidates were nominated from the Ukrainian Communist Party (UKP), later labeled "nationalist" and eliminated (in the terminology of that time, "self-liquidated").

Among those whose names are enumerated, we can find activists who fairly soon became "clients" of the Chekists, in particular, Andrii Richits'kyi and Iurii Mazurenko.¹⁶ One can compare this document with the GPU special report dated September 1923 on the state of the UKP. Its tonality is more categorical, creating the impression that its authors knew very well that their ideas would be taken into consideration. In this document, in particular, the presence of "liquidators"—the group that acted in Kyiv and criticized the leadership of the UKP—is noted. Six persons are named, among them a certain Savchenko, "an old member of the party who still works very closely in contact with the local provincial department of the GPU and Gubkom . . ." ¹⁷ Then it mentions the deepening of the "liquidator" current in Kyiv and about its transfer to the Katerynoslav Province and other locations:

It is necessary to use all possible means to support and deepen the movement of liquidators in Kyiv, taking advantage of this current on the All-Ukrainian level. The underground work of the group of “liquidators” needs to be continued until the absolute majority ends up on their side, after which it would be possible to bring this work into the open, work that will lead to the final liquidation of the UKP. With respect to merging with the KP(b)U . . . we must avoid this question, because there is such a large number of Petliura elements in the UKP.¹⁸

A large number of documents of an analogous nature confirm how perceptible was the desire of the Chekists to establish a particular idea about the political opponents of Bolshevism, and also to expose potential enemies even in those forces which, in principle, did not reject collaboration with the Bolsheviks. This desire coincided with another powerful and, as proved later, uncontested tendency to fabricate different kinds of “cases,” the formation of “counterrevolutionary” organizations and unlawfulness, as more and more authority ended up in the hands of the Chekists.

It is characteristic that the desire of the members of the Cheka to take on functions far from those which they were assigned quite often was pointed out by the Bolshevik leaders themselves. This was proved very clearly in Decree No. 2 by the TsUPChREZKOM dated January 15, 1921, and signed by Mantsev. It was stated in particular:

Recently we have been able to observe that in the struggle with counterrevolutionary and other organizations some extraordinary Commissions and special departments use the so-called method of infiltrating their own agents into those organizations with the purpose of bringing to light and learning about the activity of specific persons as well as the whole organization. And it would appear as if by using this method, the role of the agent would be limited only to intelligence work, but often agents go from a passive observational role, which is supposed to stop crimes, to more active behavior, creating organizations, grouping specific individuals of the organization together, and sometimes pushing the passive anti-Soviet element and petty bourgeois into active work. And older comrades, responsible leaders, look at this kind of work through their fingers and are encouraging it, turning this tactic into a principle.”¹⁹

One can understand from the decree that this kind of practice was condemned, and it was emphasized that the pursuit of creating organizations, “fanning the flames of cases or creating organizations, even with the purpose of discovering a suspected putsch—are criminal, because this kind of activity leads to a certain degeneration of our revolutionary organs for Extraordinary struggle into the old, gendarmerial spying institutions.”²⁰ But as historic facts and documents have proved, political reality turned out to be stronger than any decree: “cases” and “counterrevolutionary organizations” were growing like mushrooms, and were fabricated on a large scale, especially when from the point of view of a certain political situation it was necessary to “brand” the

representatives of a given political category as “national counterrevolutionary,” “wreckers,” and even as representatives of a certain nationality. This is proved by documents that expose the mechanics of the work of the Cheka-GPU-NKVD organs, which gradually turned into the Bolshevik political police that during the years of the “Great Terror” (1936–1938) was very successfully used against many of its creators.

Another problem requires special investigation. It concerns not an organization imagined by the Cheka, but one that really existed. Voluminous materials prove that resistance to Bolshevik power, in Ukraine in particular, was definitely not mythical, and therefore the Communist regime’s use of the Cheka-GPU-NKVD in its political plans legitimized the discovery and destruction of forces that actually struggled with the regime. This, however, is a subject for separate research.

Questions about the moral criteria which the Chekists organs were using require special serious analysis. Here one can point out one characteristic feature. From year to year, in instructions on how to select personnel, there are fewer and fewer references to loyalty to the proletarian cause. The leaders of the Cheka and later the GPU-NKVD were concerned above all with something else—the ability of the employees to be disciplined, to perform all tasks, to keep secrets in all cases. Instructions dating from the beginning of the 1920s require Chekists:

... to be neat, clean, so that your external appearance will attract clients and provide the possibility of extracting everything you need from them ... You should always remember the devices of the Jesuits, who did everything beneath the surface and revealed nothing, but were secretive, who knew about everything and knew only how to act.²¹

In addition, these Chekist documents, in particular decrees, left considerable testimony that arbitrariness, embezzlement, and amorality were permanent satellites of the entire history of the existence of the Cheka-GPU-NKVD. The official historiography of the USSR, which was interested in the romanticization of the security organs, did not mention this.

Finally, one should emphasize one interesting point, which has never been raised by scholars. As the documents testify, during the Bolshevik New Economic Policy (NEP), the Chekist organs, which developed under conditions of civil war, felt not only discomfort, but serious danger to their existence. First of all, NEP changed the financial economic situation of the “revenging sword of the revolution.” This is noted in particular in an official statement, “On the Question of the State of the Organs of the GPU UkrSSR,” prepared in January 1923 and signed by Vsevolod Balitskii.

Apparently this document was put together for Moscow, but a copy was sent as required to the TsK K(b)U. “The New Economic Policy,” it was stated in the document:

... which worsened the conditions for a significant number of the organs, which depended on government support, also exerted an extraordinarily negative influence on the conditions of the GPU (State Political Administration) organs. Having lost the real support of the other state organizations which had supplied us with extremely important products for secret work before “NEP,” and which fully stripped us of this help after the transition to self-support because of a strict budget, which did not come anywhere close to corresponding to real needs, the organs of the GPU were compelled to decrease the tempo and character of work in those areas, which from the point of view of the defense of the Republic was a real crime.²²

Noting the problems of the GPU, Balitskii touched on the decrease in “the numbers in the central organ and the periphery subordinate to it,” having noted that on January 1, 1922, there were 21,970 official employees and as of July 1, 1923 only 9,737 persons.²³

In this same document, the number of official and secret employees of the GPU is stated—sixteen thousand people.²⁴ It is also interesting that a “massive escape” of employees from the GPU was confirmed, among them members of the party.²⁵ As of January 1, 1922 there were 7,812 Communist members in the organs, and as of July 1 of the same year, 3,427 members.

“Therefore,” wrote Balitskii:

... for the first half of 1922 more than four thousand party members left the organs of the GPU . . . Insofar as this tendency, which is mainly a result of the terrible material conditions, is not localized, but has increased in the subsequent months, what is facing the organs of the GPU is the important task of stopping the decrease in the general number of party members, which means using all means possible for the improvement of the well-being and material conditions of the employees of the GPU.²⁶

And these actions, naturally, were carried out, since the party viewed the organs as a support of their power. In turn, the Chekists did their work very well to repay the consideration given them by the state, as they continually extended their sphere of influence. This process began to reach its apogee in the middle of the 1920s, and was represented in the UkrSSR by the energetic activity of Vsevolod Balitskii.

Characterizing the state of the Communist organs of government security under the conditions of NEP, the author of the popular book *Die rote Inquisition*, Borys Lewytzkyj, noted, “The ‘romantic terror’ was over; the stage of bureaucratic direction of terrorist means had begun.”²⁷

It is characteristic that in 1926 in his political report to the Ninth Congress of the KP(b)U, Lazar Kaganovich, who from 1925 headed the TsK KP(b)U, decided to respond to the accusation of Karl Kautsky that the Bolsheviks had mastered the art of the political police better than the essence of the teachings of Karl Marx:

We are not contesting that we have really mastered the art of the political, as he used the word, police, that the GPU does a pretty good job here. And if we could get Kautsky, we would give him a full opportunity to prove it for himself. We are not arguing on this account, because Kautsky doesn't know that the organization GPU not only does not stand against, but fully derives from, the teaching of Marx, because none other than Marx was the first to raise the idea of the dictatorship of the proletariat as the idea of a harsh dictatorship which destroys any opposition of the exploited classes and their lackeys.²⁸

In fact, the Cheka-GPU-NKVD wonderfully interpreted the Leninist-Stalinist understanding of Marxism. The result is clearly illustrated, for example, by the document which follows this commentary. This strictly classified official memorandum stamped "Classified. Not to be copied. Guard on the same scale with the cipher under the responsibility of the chief of the GPU," printed in 75 copies, appeared in the midst of the Bolshevik politics of "Ukrainianization" in September 1926. As is known, "Ukrainianization" was an integral part of *korenizatsiia* ("nativization")—the policy in the sphere of national relationships approved under the pressure of the "National-Communists" and Lenin's demand at the Tenth (March 1921) and Twelfth (April 1923) Congresses of the RKP(b). This policy was a result of the fact that tsarist Russia had exploited the non-Russian peoples, and as its legacy the USSR had inherited real economic and cultural inequality between the Russian and the non-Russian peoples.

It was decided to accelerate the development of the non-Russian republics. What was envisioned was their industrialization, the selection of personnel from representatives of the basic nationalities, the extension of education in the local languages, the development of national cultures, publications, and so on. It was stated that the party had to combat Russian chauvinism as well as local nationalism, but first the main accent was put on the necessity to struggle against autocratic (Russian) chauvinism. The policy of *korenizatsiia* had an important influence on the development of the non-Russian peoples of the USSR at that time, in particular, the Ukrainian people, because in practice it meant de-Russification. That is why it evoked such vigorous resistance from Russian chauvinists, including the high party leadership.

Stalin's attitude to this policy was ambivalent from the very beginning, because it stimulated the national self-consciousness of numerically large and small non-Russian peoples, and thereby their pursuit of real sovereignty, which increasingly went against Stalin's perception of the principle of national state construction. Thus, for Moscow, what was of primary significance was not the analysis of real national-cultural processes, but the constant struggle with different kinds of "national deviations" and manifestations of "bourgeois nationalism," a label which under these circumstances could easily be attached to simple loyalty to national traditions and patriotism.

This line was dictated by the continual increase of Russian influence in the party-governmental leadership, by a transition to a policy of accelerated industrialization (which required centralization of power), and by an increase in nationalistic moods among non-Russian peoples caused by assimilationist policies of socialization and forced collectivization, from which the non-Russian republics were then suffering on a greater scale than Russia and which was marked by the terrible masterpiece of Stalinist social-demographic engineering—the famine at the beginning of the 1930s.

The radical change of the party line on *korenizatsiia* occurred between the Sixteenth (1930) and Seventeenth (1934) Congresses of the VKP(b). Between 1930 and 1934, in all the non-Russian republics a purge of local communists and nonparty intelligentsia was carried out, and the majority of the personnel which had been brought up under *korenizatsiia* was destroyed.

When did the actual counter-Ukrainianization really begin? For a long time scholars thought the beginning to be 1933, the struggle with so-called Skrypnykism, that is, with the consequences of “nationalistic deviation,” the leader of which was proclaimed to be the former People’s Commissar of Education of the UkrSSR Mykola Skrypnyk (who under pressure of false accusations committed suicide on July 7, 1933). However, the document following this commentary proves that the countervailing force to the policy of “Ukrainianization” began significantly earlier.

The Communist Special Service was directly responsible for this new policy, the aim of which was to play a further significant role in the life of society. On September 4, 1926 the deputy chief of the GPU UkrSSR Karl Karlson, the assistant to the chairman of the Secret Section (SV) Osher Abugov, and the temporary deputy head of the First Department of the Secret Section Boris Kozelsky signed an official memo entitled “On Ukrainian Separatism.” The essence of this important document lies in the fact that it was oriented towards the collection of all possible information about the adherents of “Ukrainianization,” above all from a number of representatives of the “right” Ukrainian intelligentsia, that is, the milieu of Ukrainian intellectuals, in particular those who had returned (or planned to return) to Ukraine under the influence of the declared “Ukrainianization.”

The authors of this closed letter sincerely explain why this was to be done:

The fact that Ukrainian nationalists ceased the open struggle with Soviet power and formally acknowledged it does not mean that they have definitively reconciled themselves with the present state of affairs and have truly given up their hostile plans. Here evidently there is not a change of ideology, but a change of tactics . . . The term “cultural work” has been substituted for the call to the failed armed struggle for independence. The “cultural struggle” has gained immense popularity and has attracted into the ranks of its followers the overwhelming majority of the most prominent representatives of the Ukrainian counterrevolution.²⁹

In this letter, the most dangerous centers of Ukrainianization from the point of view of the GPU, which used the circumstances of Ukrainianization in their plans, were designated. These were first of all the Ukrainian Autocephalous Orthodox Church (UAPTs), “a prominent center of nationalism and a marvelous agitational tool”; and the All-Ukrainian Academy of Sciences (VUAN), which “collected around themselves the dense mass of former eminent figures of the UNR (Ukrainian National Republic).”³⁰

The situation in the village was analyzed very thoroughly, as were the circumstances of the beginning of industrialization, and tendencies in the milieu of the Ukrainian emigration. And all this was aimed at the conclusion that “it is important to pay serious attention to the activity surrounding Ukrainian civic matters,” to emphasize the increase in activity “of social and political strata hostile to us.”³¹ Therefore, parallel with official declarations of the party leaders, long before the open attack on “Ukrainianization,” the GPU began (naturally with the knowledge of its own party leadership) its own counter-Ukrainianization, in this way preparing compromising material about anyone the Chekists thought to be “dangerous” for the Communist regime.

Knowing this, we can now understand how later, by the end of the 1920s, precisely the GPU-NKVD could crush the Ukrainian intelligentsia with such lightning speed. And now a question arises still requiring further investigation. To what extent were the activities of the sincere followers of “Ukrainianization” really dangerous for the Communist regime in Ukraine? To what extent, let us say, could the activity of the academic Mykhailo Hrushevskʹyi, who returned from the emigration, harm the Bolshevik establishment? Objectively—to a great extent, insofar as Hrushevskʹyi, through his historical school, was working on the confirmation of the idea of Ukrainian sovereignty, that is, what in the following document is called Ukrainian “separatism.”

The example of Hrushevskʹyi, who immediately after his return to Kyiv came under the very careful long-term observation by the GPU³², vividly testifies to the entire tragic situation during what was proclaimed by the Bolsheviks as “Ukrainianization.” Naturally, the tragic situation for those who adopted this policy was fundamental and long-lasting. “The increase in chauvinistic tendencies,” we read in a letter of the GPU, “creates the necessity for the GPU organs to react expeditiously to this phenomenon, which has extremely important political significance.”³³

This postulate survived its creators. And in all periods of Communist rule in Ukraine, the main focus of attention of the Special Service was the struggle with Ukrainian nationalism, right down to the smallest hint of the rebirth of the idea of Ukrainian sovereignty or even any attempts to support Ukrainian national traditions based not on the folklore-ethnographic level, but in reality. Nevertheless, this is a subject for a future publication. For now I would like to call the reader’s attention to a unique document dated 1926. It was discovered in Ukraine and has been published with the consent of the Ukrainian Security

Service. I hope that this document and my foreword will help further the development of investigation into the activity of the Bolshevik Special Services, broadening the conceptual and source base for an objective history.

*Institute of Ukrainian Archeography and Source Studies,
National Academy of Sciences of Ukraine*

*Translated from the Ukrainian by Roberta Reeder,
Yuri Minyayluk, and Yakov Gubanov*

ABBREVIATIONS

Cheka	Extraordinary Committee [<i>Rus.</i> Chrezvychnaia komissiiia]
GPU	State Political Administration [<i>Rus.</i> Gosudarstvennoe politicheskoe upravlenie]
Gubkom	provincial committee [<i>Rus.</i> gubernskii komitet]
Gubrevkom	provincial revolutionary committee [<i>Rus.</i> gubernskii revoliutsionnyi komitet]
Gubcheka	provincial Cheka [<i>Rus.</i> gubernskaia Cheka]
NKVD	People's Commissariat for Internal Affairs [<i>Rus.</i> Narodnyi komissariat vnytrenikh del]
OGPU	Joint State Political Administration [<i>Rus.</i> Ob"edinennoe gosudarstvennoe politicheskoe upravlenie]
Radnarkom	Council of People's Commissars [<i>Ukr.</i> Rada narodnykh komisariv]
TsDAHOU	Central State Archive of the Civic Unions of Ukraine [<i>Ukr.</i> Tsentral'nyi derzhavnyi arkhiv hromadians'kykh ob'iednann' Ukraïny]
TsK RKP(b)	Central Committee of the Russian Communist Party-Bolsheviks [<i>Rus.</i> Tsentral'nyi komitet Rossiiskoi Kommunisticheskoi partii (bol'shevikov)]
TsUPChREZKOM	Central Administration of the Extraordinary Commissions (to Conduct the Struggle against Counterrevolution, Speculation, and Corrupt Officials) [<i>Rus.</i> Tsentral'noe upravlenie Chrezvychnykh komissii]
UAPTś	Ukrainian Autocephalous Orthodox Church [<i>Ukr.</i> Ukraïns'ka avtokefal'na pravoslavna tserkva]
VUAN	All-Ukrainian Academy of Sciences [<i>Ukr.</i> Vse-Ukraïns'ka Akademiia nauk]
UNR	Ukrainian National Republic [<i>Ukr.</i> Ukraïns'ka narodnia respublika]
VChK	All-Union Cheka [<i>Rus.</i> Vsesoiuznaia Cheka]
VKP(b)	All-Union Communist Party [<i>Rus.</i> Vsesoiuznaia kommunisticheskaiia partiia]
VUTśVK	All-Ukrainian Central Executive Committee [<i>Ukr.</i> Vse-Ukraïns'kyi vykonavchyi komitet]

NOTES

1. Open letter of Maria Spiridonova to the Central Committee of the Bolshevik Party. See, *Rodina* 1990 (5): 50.
2. Some of these facts and documents are found in official historical research of the Communist security organs, for example, in *Vseukrainskaia Chrezvychnaia Komissiiia—VUCHK, 1918–1922* (Kharkiv, 1990), whose authors never once mention Balitskii's name.

3. Central State Archive of the Civic Unions of Ukraine, henceforth TsDAHOU, fond 1, opys 20, sprava 30, arkush 106.
4. TsDAHOU, fond 1, opys 20, sprava 640, arkush 33^v.
5. Cited in L. N. Maimeskulov, A. I. Rogozhin, V. V. Stashis *Vseukrainskaia Chrezvychainaia Komissiiia—VUCHK, 1918–1922* (Kharkiv, 1990), 2nd edition, reedited and supplemented, p. 94.
6. Ibid., p. 95.
7. TsDAHOU, fond 1, opys 20, sprava 166, arkush 53.
8. Ibid.
9. Ibid., arkush 75.
10. Ibid.
11. TsDAHOU, fond 1, opys 20, sprava 640, arkush 35^v.
12. Ibid.
13. TsDAHOU, fond 1, opys 20, sprava 642, arkush 234^v.
14. Ibid., arkush 350^v.
15. Ibid., arkush 359^v.
16. Ibid., sprava 641 arkush 25.
17. Ibid., sprava 1757, arkush 188^v.
18. Ibid.
19. Ibid., sprava 640, arkush 21.
20. Ibid.
21. *VChK-GPU*. Comp. Yu. Felshtinsky (Benson, Vermont, 1989), p.132.
22. TsDAHOU, fond 1, opys 20, sprava 1757, arkush 1.
23. Ibid., arkush 2.
24. Ibid.
25. Ibid., arkush 3.
26. Ibid.
27. Lewytskyj, Borys. *Die Rote Inquisition. Die Geschichte der sowjetischen Sicherheitsdienst* (Frankfurt-am-Main, 1967), p. 58.
28. Kaganovich, L. M. *On the Paths of Constructing Socialism*. (Kharkiv, 1926) p. 12.
29. “Ob Ukrainskom separatizme. Tsirkuliarnoe pis'mo Gosudarstvennogo politicheskogo upravleniia Ukrainy” (Kharkiv, 1926), p. 3.
30. Ibid.

31. Ibid., pp. 11–12.
32. For greater detail see V. Pristaiko and Yu. Shapoval, *Mykhailo Hrushevs'kyi i HPU-NKVD. Trakhichne desiatylittia: 1924–1934* (Kyiv, 1996).
33. “Ob Ukrainskom separatizme,” p. 1.

Figures 1–12 (following pages). Facsimile reproduction of the original document (12 pages). The document originally was entitled “Tsirkuliarnoe pis'mo Gosudarstvennogo politicheskogo upravleniia (Sekretnyi Otdel) Ob Ukrainskom Separtizme, printed in Kharkiv 4 September 1926. A photocopy of the original (which bears the copy number 66) is in the possession of the author. The pages are reproduced at eighty percent of their original size.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО.

Перепечатыванию не подлежит.

ЦИРКУЛЯРНОЕ ПИСЬМО ГПУ УКРАИНЫ.

Об украинском сепаратизме.

Тактика „культурной борьбы“ украинских антисоветских элементов с Советской властью, за последний период времени, все ярче и ярче вырисовывается в виде разлития среди украинской общественности националистических идей сепаратистского характера.

Рост шовинистических тенденций ставит перед органами ГПУ необходимость своевременно реагировать на это явление, имеющее политическое значение первостепенной важности. С этой целью ГПУ СССР ориентирует местные органы о сущности, истории и тактике украинского сепаратизма, а также о тех задачах, которые в связи с этим стоят перед органами ГПУ.

Сепаратизм в истории укр. к.-р.

Сепаратистские идеи в украинском контр-революционном движении сыграли исключительную роль.

Тенденции, направленные к отделению Украины от России, развивались и практически оформлялись параллельно с ростом большевистского движения. Украинская мелкая буржуазия заговорила об отделении от Москвы тогда, когда ее благополучию стала угрожать опасность, в виде стихийного под'ема революционной волны.

Отделение Украины от России, декретированное универсалом Центральной Рады, явилось следствием утверждения в России Советской власти.

В период-же Керенщины, подавляющее большинство украинских политических партий и политических деятелей решительно отвергали возможность отделения Украины и добивались только автономии или федерации.

Украинская буржуазия не рискнула вести борьбу с Советской властью под флагом защиты своих классовых интересов.

Она предпочла классовое содержание ведущейся ею борьбы спрятать под оболочку национальных лозунгов.

Поэтому вся ожесточенная вооруженная борьба, протекавшая в течении нескольких лет между Советской властью и украинской контр-революцией, была построена по такой схеме:

— 2 —

Советская власть выставила лозунг классовой войны. Основными кадрами Советских войск были рабочие России и Украины. Украинская буржуазия пыталась использовать то обстоятельство, что среди пролетариата мало нерусифицированных украинцев. Ее представители выбросили знамя защиты всего украинского народа от порабощения его „московскими захватчиками“. Они стремились доказать, что Советская власть, под флагом социальной борьбы, ведет политику национального угнетения украинского народа и превращения Украины в колонию Московского империализма.

Благодаря такой тактике украинской буржуазии, вся долгая борьба между нею и Соввластью была окрашена ярко выраженными националистическими цветами и имела своей формальной, конечной целью создание независимого, самостоятельного украинского государства. Таким образом, сепаратистские тенденции являются осью официальной идеологии (или фразеологии) украинской контр-революции.

Сепаратизм после разгрома укр. к.-р.

Украинская буржуазия в войне с Советской властью потерпела полное поражение.

Вместе с тем, XII съезд РКП уточнил пути проведения в жизнь основ нашей национальной политики.

Эти два обстоятельства привели к тому, что приверженцы сепаратистских идей начали пересматривать свой идеологический багаж и менять вехи.

Главную роль в смене вех сыграли, конечно, разгром вооруженных сил укр. к.-р. и укрепление Советской власти на Украине.

Представители укр. к.-р., благодаря этому, утратили какие-бы то ни было благоприятные перспективы.

Новый национальный курс делал невозможным продолжение вооруженной борьбы с Соввластью, так как выбивал из рук шовинистов главный козырь, — „национальное угнетение“.

Практически это привело к ликвидации бандитизма, к прекращению заговорщической, подпольной деятельности, к возвращению по амнистии остатков армии УНР и к расколу эмиграции, из которой выделилась и вернулась в пределы Украины чрезвычайно значительная и влиятельная часть. Отказ от борьбы сопровождался признанием Советской власти. Признание Советской власти означало отказ от принципов сепаратизма. Таким образом, на платформе независимости Украины открыто стоит только непримиримая часть украинской эмиграции.

Эта эмиграция состоит из представителей разных политических течений, от монархистов-хлебоборбов (гетманцы) до „социалистов“.

Все они сходятся в одном: „Украина является Московской колонией, украинская Советская власть — фикция, представители Советской власти на Украине — ставленники Московских завоевателей и т. д.“. Ввиду этого они не считают возможным идти на какие-бы то ни было соглашения с этой властью.

Перемена тактики — „Культурная борьба“.

То обстоятельство, что украинские националисты прекратили открытую борьбу с Советской властью и формально признали ее, не

— 3 —

означает, что они окончательно примирились с теперешним положением вещей и, искренно отказались от враждебных замыслов.

Здесь налицо не изменение идеологии, а перемена тактики.

Та тактика, которая обещала наиболее быстрые результаты,—тактика открытой войны,—привела украинский сепаратизм к проигрышу его борьбы. Условия коренным образом изменились.

Расчеты на свержение Соввласти не оправдались. Советская власть должна быть принята националистами, как неизбежный факт.

В виду этого выковалась новая тактика борьбы. Тактика, в которой Соввласть играет роль объекта, против которого направлено оружие „культурной работы“.

Термин „культурной работы“ пришел на смену провалившемуся дозугу вооруженной борьбы за независимость.

„Культурная борьба“ приобрела огромную популярность и втянула в ряды своих сторонников подавляющее большинство виднейших представителей укр. контр-революции.

Целый ряд военных деятелей, министров, общественников, лидеров партий, отказались от старых приемов и влились в ряды бойцов „культурного фронта“.

Цели и задачи „культурной“ работы сводятся к укреплению и развитию националистических тенденций:

„Советская власть должна почувствовать мощь национальной стихии, под напором которой она будет сдавать одну позицию за другой“

Для этой цели используются все возможности. Украинизация используется для группирования во всех жизненных частях государственного организма сторонников националистических идей.

Создана Украинская Автокефальная Церковь, являющаяся могучим оплотом национализма и отличным агитационным орудием.

Украинская Академия Наук собрала вокруг себя компактную массу бывших видных деятелей УНР.

В общем, представители украинского национализма работают, не покладая рук, над внедрением в массы националистических чувств.

Они считают, что украинский народ проиграл свою освободительную борьбу из-за недостатка национальной сплоченности, и стремятся исправить этот основной недочет, т. е. добиться национальной спайки в массах.

Если период вооруженной борьбы отличался широким развитием подпольной деятельности, то эпоха „культурной борьбы“ характерна стремлением использовать легальные возможности.

Об использовании легальных путей для борьбы с Соввластью см. наш циркуляр об украинской общественности от 30-го Марта 1926 года (стр. 5).

Националисты и Село.

Село привлекает исключительное внимание националистов. На сельского кулака делается главнейшая ставка. В этом сходятся все группы украинской антисоветской общественности.

Видные представители антисоветской украинской интеллигенции г. Харькова по этому поводу говорят:

— 4 —

На селе власть берет кулак. В связи с предоставлением свободы выборов кустарям, середнякам и проч., к власти приходит элемент анти-коммунистический, которым партия, управляя не в состоянии. Поэтому украинской интеллигенции открывается широкая возможность взять власть в свои руки.

После того, как власть на селе возьмет кулак, большая часть партийцев, окончательно убедится в правоте Зиновьева и создаст оппозицию ЦК. Тогда раскол будет еще более значительный. Поэтому перед украинской интеллигенцией стоит сейчас задача стремиться захватить влияние на селе“.

Один из создателей хлебоборбской партии, находящийся в Харькове, говорит:

„Отрадно видеть под'ем национальных чувств среди крестьянства. У меня бывают сотни крестьян и все они, и середняки, и незаможники, и кулаки совершенно сознательны в национальном отношении. Они вполне понимают, кто их обижает и кто виновен в их плохом положении. В свое время мы ошибались и поэтому проиграли нашу борьбу, но все-же наша работа не пропала даром. Наши идеи впитались в крестьянство“.

Таким образом этот деятель убежден в том, что крестьянство успешно обрабатывается в шовинистическом, самостийническом духе.

Цели этой упорной обработки крестьянства хорошо сформулированы Председателем Подольской Автокефальной Рады:

„.....Основной работой автокефалии является перевоспитание села. Вся деятельность ее должна быть направлена к максимальному внедрению в крестьянскую среду национального духа. Следствием этого должно явиться то, что крестьянство поставит себе первоочередной задачей абсолютное национальное освобождение Украины из под ига Москвы“.

Работа украинских шовинистов по воспитанию села в духе ненависти к Москве даст заметные результаты, особенно, в среде молодежи. Об этом свидетельствуют многие данные повседневной работы органов ГПУ.

Самостийнические идеи в настоящее время.

Шовинисты различных политических оттенков сходятся в одном — в ненависти к Москве. Эмиграция об этом говорит открыто. Эмиграция призывает к борьбе с Соввластью до тех пор, пока эта власть будет оставаться „неукраинской“. Украинская власть в представлении эмиграции это — такая власть, которая не имеет связи с Москвой и представители которой — чистокровные украинцы.

Антисоветский шовинистический элемент внутри страны также, при каждом удобном случае, выявляет свое враждебное отношение к Москве.

Нижеследующие примеры иллюстрируют эти настроения.

А. У к р а и н и з а ц и я .

Несмотря на то, что твердое „проведение, нами украинизаций лишает контр-революционеров возможности пользоваться для своей

— 5 —

демагогии выигрышными козырями, шовинистические элементы украинизации, проводимую Советской властью, пытаются критиковать. Они твердят, что единственным результатом теперешней украинизации явится то, что „кацапы“ и „жиды“, находящиеся на государственной службе, „обдирая в интересах Москвы украинского крестьянина, будут говорить с ним на ломанном украинском языке“.

По их мнению, настоящая украинизация должна сводиться к тому, что-бы весь государственный аппарат перешел в руки „ширых украинцев“.

Это—ближайшая задача, к осуществлению которой стремится украинский воинствующий шовинизм.

Общее мнение правых украинских кругов по этому вопросу сводится к словам, находящегося в г. Днепро-Петровске шовинистического деятеля, который по этому поводу говорит:

„... Украинизация даст нам куцую национальную свободу. Коммунистическая партия проводит украинизацию не потому, что находит это полезным, а потому, что вынуждена это делать“.

Украинская шовинистическая пресса закордоном, в связи с проводимой украинизацией и выдвижением на ответственную работу украинцев, констатирует тот факт, что среди украинской общественности начинает всплывать на поверхность идея национальной государственности. По мнению прессы, это представляет „угрозу воинствующему и царящему на Украине великорусскому шовинизму, угрозу оккупантам из Москвы“.

Газета „Діло“, наиболее серьезный орган УНДО (Украинского Национального Демократического Об'единения) пишет:

„... Надеемся большевикам на то, что эти мероприятия могут задуть нарождающееся национальное украинское освободительное движение, поздно. Вместе с тем, политика большевиков в области украинизации нами должна быть целиком использована, так как она дает возможность украинцам более или менее легально концентрировать свои силы и, тем самым, создавать базу для будущей борьбы за украинскую государственность“.

Часть украинских шовинистов считает, что смерть тов. Дзержинского знаменует собой поворот политики коммунистической партии. Они говорят:

„... Еще умрет два—три старых большевика и придут к власти молодые коммунисты, отличающиеся империализмом, карьеризмом и безпринципностью. Дзержинский и другие старые большевики ориентировались на всемирную революцию и для них рамки государства не играли решающего значения. В этой области отношение к украинскому вопросу и автономии Украины у старых большевиков было терпимое, в результате чего и проводится украинизация. Не то будет, когда к власти придут империалисты и карьеристы.“

Для украинцев это знаменует собой или полное порабощение Украины, или необходимость противопоставить этому организованный отпор украинским силам“

Б. Индустриализация Украины.

Сепаратисты стараются доказать, что Украины является Московской колонией и в силу этого подвергается со стороны Москвы самой жестокой экономической эксплуатации.

Большие недовольства вызываются со стороны шовинистов тем, что Соввласть, якобы извлекая из Украины огромные средства, уделяет из них для развития украинской промышленности самую ничтожную часть.

В представлении шовинистов, эксплуатация Украины происходит таким путем:

1. Естественные богатства Украины в Донбассе, Криворожье и т. п. разрабатываются Москвой и добыча вывозится в Россию без соответствующей компенсации Украины.

2. Фабрики поставляет Россия, хлеб производит Украина. Россия так регулирует цены, что свои фабрики продает по вздутым ценам, а украинский хлеб скупает по дешевке.

3. Украина, поставляя для экспорта массу товаров, не получает соответствующей доли импорта.

4. С Украины дерутся непомерно высокие налоги.

Националисты твердят, что Украина дает Союзу чуть ли не 40% всех доходов, а получает взамен самую ничтожную часть. Все же средства идут на развитие экономики России.

Письмо, которое мы приводим ниже, написано украинским учителем—шовинистом, своему ученику, находящемуся теперь в Красной Армии. В письме, между прочим, говорится:

„..... Возьми, хотя-бы, отчет IX-го С'езда КП(б)У и там ты найдешь доказательства, что мы — Республика, не имеющая своего бюджета. Выходит, что не мы распоряжаемся своими средствами, а берем то, что нам дает Москва. Теперь, возьмем, хотя-бы статьи, где пишется, что из 26-ти заводов на Украине хотят строить только два. Посмотри, где строят электрические станции, где отпускают большие кредиты, почему наши солдаты до сих пор служат на Кавказе и в Ленинграде. Словом, ты хорошо следи за экономикой, как распределяются союзные средства, где строят заводы, электрические станции и т. п., тогда ты сразу прозреешь. Читай сам и прокладывай дорогу нашей прессе, нашим газетам и книгам. Об этом ты должен всегда помнить“.

В письме этом имеются также указания, как надо использовать для агитации среди масс все эти факты.

Шовинисты, критикуя план развертывания тяжелой индустрии, говорят:

„..... Он лучший показатель того, что верхи СССР никогда не изживут великорусского шовинизма, сконцентрируют все заводы и фабрики в России, а с Украины будут выкачивать топливо и сырье“.

Бывший премьер Правительства УНР настроен оптимистически и так рисует перспективу развития украинской промышленности:

— 7 —

„... Украина, как ни одна страна в мире, кроме Америки, отличается счастливым сочетанием энергетических ресурсов.

Поэтому, национальная промышленность Украины подымется на такую высоту, что избавится от притеснения другими частями Союза. Она, как мощный поток, отбросит более слабые струи.

Эти перспективы принуждают нас не унывать, не падать духом и продолжать свою работу. При УНР этого подъема легко можно было добиться при помощи иностранного капитала.

Сейчас это сделать труднее, так как политическое влияние теперь чужое, а не наше. Но украинцы — самая культурная нация в Союзе и это является залогом осуществления наших национальных задач“.

В. Территория и суверенность.

Часть украинских сепаратистов мечтает об украинской великодержавности.

В одном из последних номеров Центрального органа УНДО „ДІЛО“, издающегося во Львове, была помещена статья, отражающая эти настроения. О том, что Украина в ее теперешних границах должна быть независимым государством, статья даже не говорит, так как это считается азбучной истиной, аксиомой, о которой „ДІЛО“ в серьезной принципиальной статье не считает нужным снова упоминать. Речь в этой статье идет ни о чем ином, как об украинском империализме. Автор ее известный ундовец Левицкий доказывает, что Украина нуждается в Сибири, Зеленом Клинге, Туркестане и Кубани для колонизационных и проч. целей. В виду этого, Украина должна стремиться также и к протекторату над путями к ним.

В противном случае, утверждает „ДІЛО“, Украина не сможет занять место среди великих держав, а вынуждена будет мириться с положением второстепенного государства на манер Польши и Румынии.

Что касается внутренних контр-революционных элементов, то они этим вопросам уделяют меньшее внимание, так как их задачи выражаются следующей формулой:

„...Язык, нация, культура, территория, суверенность“.

Таким образом, территория и суверенность относятся к задачам более отдаленного будущего, а в настоящее время, главная борьба ведется за язык, нацию, культуру и самостоятельную экономику.

Все-же, шовинистический элемент проявляет большую заинтересованность попросами государственной суверенности Украины.

Так например, арестованный вожак Харьковских правых кругов так формулирует на допросе свою позицию, являющуюся программой правых:

„...Как националист считаю, что факт лишения Украины международного представительства является актом недостойным украинской нации. Отсутствие правильно организованной украинской армии, не дает уверенности в продолжительном существовании Советской украинской власти. Колониальные последствия дореволюционного положения Украины не ликвидируются, а попытки

проведения справедливой экономической политики, встречают такой отпор, что существует большое опасение, что ликвидация этого положения может не начаться. Национальным правительством я считаю то правительство, которое стремится возвратить Украине национально-суверенное государственное бытие. Национальное государственное бытие заключается в том, что государство вполне самостоятельно ведет внешнюю и внутреннюю политику“.

В настоящее время мечты о немедленном выходе из Союза расцениваются большинством шовинистов, как несвоевременные.

Основная надежда возлагается на возникновение войны, которая принесет большевикам поражение, а Украине—независимость. Впрочем, имеются отдельные группы, которые говорят:

„...Лучше быть под Польшей, чем под жидами“.

Правда, голоса этих групп тонут в общей неприязни к Польше. Часть шовинистического элемента расценивает Польшу, как фактор, при помощи которого Украина добьется самостоятельности, без объединения с Польским государством.

В представлении самостийников, Украина будет обширным государством, „от реки Сана до Кубани“. Пока-же шовинисты болезненно реагируют на все мероприятия Советской власти, которые по их представлениям наносят вред интересам суверенности Украины. Так например, большое возбуждение вызвала передача РСФСР Таганрогского и Шахтинского округов. Усиленно муссируются слухи о том, что Донбасс с Харьковом Москва в непродолжительном времени так-же собирается отнять от Украины.

Интересным образцом самостийнических стремлений является дело Кубанских студентов Павленко, Бурбы и др., разработавшееся ГПУ СССР и ППОГПУ по СКК.

Из статута, обнаруженного при обыске у одного участников организации, проживавшего в Киеве, явствует, что организация ставила своей целью объединение крестьян Украины, Кубани, Крыма, Западного Дона, Южной части Курской и Воронежской губерний в одну мощную организацию („Украинское крестьянское объединение“).

Дополнительные материалы говорят о том, что конечной целью работы должна была явиться „вольная, независимая, самостоятельная, соборная Украина“ в указанных выше пределах

Г. Сепаристские настроения в литературе.

Известный украинский литератор Могиланский в одном из номеров Харьковского журнала „Червоний Шлях“ поместил небольшой рассказ под заглавием „Убийство“.

В нем повествуется о том, как три националистических деятеля убили своего вождя за измену национальному делу.

Рассказ написан своеобразным эзоповским языком, но если в него вдуматься, то становится ясным, что этим вождем изменником, казненным, в рассказе за предательство, является никто иной, как профессор Грушевский.

— 9 —

Могиланский направил этот рассказ-памфлет против Грушевского за то, что Грушевский, бывший долгое время самостийником, осмелился признать Советскую власть и федеративные начала вхождения Украины в Союз, т. е. изменил национальному делу.

Могиланский в рассказе проводит мысль о том, что такое преступление вождя должно караться смертью.

Это хороший образец того, как шовинисты пытаются использовать литературу в своих целях.

Они придают большое значение талантливым писателям и всеми силами стараются оказывать на них свое влияние.

Большое внимание уделяют шовинистические круги, между прочим, поэту Хвильовому, несмотря на то, что он является членом КП(б)У. Шовинистическая закордонная пресса иногда перепечатывает из наших журналов отдельные его произведения и пытается оказать на него националистическое воздействие.

Внутренние шовинистические круги также заинтересованы молодыми литераторами, в том числе и коммунистами.

По этому поводу, один из авторитетных представителей Харьковской правой общественности высказал такую мысль:

„Хвильового мы можем поддерживать. На украинских коммунистов мы должны оказывать наше влияние и проводить нашу работу так, чтобы они не отходили от нас, а вместе с нами боролись за украинизацию, за Украину“.

Убийство Петлюры.

Убийство Петлюры явилось фактором, который украинские шовинисты сделали орудием агитации, в целях развития украинского шовинизма и направления его по руслу борьбы „с Московскими оккупантами“.

В „Коммуникате“, посвященном убийству Петлюры, за подписью 53-х эмигрантских украинских организаций, говорится:

„...Мы уверены в том, что украинская общественность, а в первую голову украинская эмиграция в этот наиболее тяжелый час национальной печали, поймет ту опасность, которая угрожает нашему национальному делу от гибельного удушения государственных стремлений украинского народа его вечным врагом, а поняв это с еще большей энергией будет защищать те национальные позиции, на которых так непоколебимо, честно и с честью стоял и пал Симон Петлюра.

Железной для нас является обязанность перед могилой великого патриота и неутомимого борца, несмотря ни на какие жертвы, осуществить идею украинской государственности.

Убийство Председателя Директории Украинской Народной Республики—главного атамана войск Украины, направлено против всего украинского народа. Враги украинского народа, оккупанты его страны, насильники его воли, а не мститель еврейского народа Украины, направили руку убийцы на Симона Петлюру.

Тем больше должны мы единым напряжением всех наших национальных сил доказать, что враг Симона Петлюры—наши враги“.

В воззвании ЦК УСДРП к украинским рабочим и крестьянам говорится:

„.....Русские коммунисты, царствующие при помощи железа и крови над украинским народом, подослали нанятого палача-жида Шварцбарта. Руками своего наемника убили Петлюру враги Украины, которые уже давно хотели стереть с лица земли этого наиболее активного борца за освобождение украинского народа....

Народные массы Украины ненавидят оккупационную власть московских коммунистов. Рабочие и крестьяне Украины должны объединиться одной мыслью, одним горячим стремлением: общими силами освободиться из под власти коммунистических жандармов и провокаторов, этих ненасытных пьявок, которые пьют кровь нашего народа. Не легка будет эта борьба Украины за свою свободу. Для успешной борьбы нужна большая и сильная политическая организация“.

Общее мнение украинских правых кругов сводится к следующему:

„.....Петлюра убит большевиками в связи с тем, что к власти пришел Пилсудский—друг Петлюры. Пилсудский безусловно оказал бы Петлюре большую помощь в деле борьбы с большевиками, а потому „они“ решили Петлюру убрать, подослав жида Шварцбарта. Петлюра пользуется на Украине большим авторитетом и его убийство приведет к освободительной борьбе украинской нации“.

Вместе с тем они считают, что имя Петлюры пользуется большим авторитетом на селе, и факт убийства Петлюры должен всколыхнуть массы крестьянской общественности, каковой момент и считают необходимым использовать для своих антисоветских целей.

В связи с убийством Петлюры среди разрозненных антисоветских украинских партий и группировок за кордоном была замечена тенденция к консолидации сил. Об этом в достаточной мере говорят факты: Павел Скоропадский едет на панихиду по своему непримиримому врагу Петлюре. Партия хлеборобов, стоявшая до последних дней в непримиримой оппозиции Петлюре, посылает делегацию на похороны и возлагает венок на могилу Петлюры. Почти вся зарубежная шовинистическая украинская пресса представляющая собою отражение той или иной платформы, резко отличающихся друг от друга, со времени смерти Петлюры, помещает статьи о необходимости единодушной борьбы против оккупантов всех националистических украинских группировок за кордоном. Кампания за объединение антисоветских украинских сил разворачивается все шире и шире.

Однако сейчас можно с полной уверенностью определить, что единого антисоветского фронта эмиграция создать не в состоянии.

Выяснилось, что „единый фронт“ объединяет только те группы, которые стоят на УНР'овской платформе.

Те же группы, которые не признавали этой платформы, ограничились признанием заслуг Петлюры и присоединились к протесту по поводу его убийства.

— 11 —

Шаповаловские круги и УНР'овцами не договорились. Полтавец-Острица провозгласил себя гетманом.

Влиятельная и денежная организация „Оборона України“, находящаяся в Америке, заняла в отношении петлюровцев отрицательную позицию и ее печатный орган „Укр. Громада“ резко протестует против перехода политического наследства в руки Андр. Левицкого и К^о.

Укр. Соц. Рад. партия находится в зависимости от „Обороны Украины“ и также выступает против Андр. Левицкого. УНДО находится в колебании, так как враждует с Левицким, который заключал договоры с Польшей.

В общем эмиграция находится в полной зависимости от своих хозяев, дающих субсидии. Такими источниками субсидий являются Польша, Чехословакия и Германия, которые используют эмиграцию в своих политических целях. Так как политические интересы этих государств сталкиваются, то естественно, что они не позволяют своим нахлебникам договориться до единой линии поведения.

Газета „Діло“, между прочим, поместила две статьи Винниченко, в которых он критикует идею единого фронта, указывая, что единство может быть создано на почве общих политических целей и условий, но никак не на почве психологических настроений, вызванных смертью Петлюры.

Однако—если единый антисоветский фронт можно считать сорвавшимся, то с другой стороны нужно учесть, что убийство Петлюры вызвало безусловный рост активности враждебных нам групп, которые будут стремиться причинить Советской власти как можно больше вреда.

Организационные выводы.

Все изложенное еще раз говорит о том, что на работу по украинской общественности необходимо обратить самое серьезное внимание. Конкретные задачи, стоящие перед органами ГПУ, мы указывали в циркуляре „Об украинской общественности“ от 30/III с. г.

В числе прочих заданий этим циркуляром рекомендовалось:

1. Главное внимание уделить выявлению правых групп, их деятельности и взаимоотношениям с остальными кругами украинской общественности (циркуляр, раздел „конкретные мероприятия“ пункт 2“);
2. Не ограничиваться простым наблюдением за всеми кругами украинской общественности, а вести активную разведку среди видных представителей украинских антисоветских течений (пункт 5);
3. Увязать работу по украинской интеллигенции с работой по селу (пункт 6);
4. Освещать текущие настроения украинской общественности, связанные с нашей внутренней и международной политической жизнью (пункт 7).

— 12 —

Все отмеченные в предыдущем циркуляре мероприятия остаются полностью в силе и для настоящего циркулярного письма.

Серьезность и сложность современной политической обстановки и связанная с нею активность враждебных нам социальных и политических слоев, требуют самого внимательного отношения к процессам, протекающим в мелко-буржуазных националистических кругах.

Эта задача в свою очередь требует быстрее развития нашей работы по тем конкретным директивам, которые содержатся в циркуляре „Об украинской общественности“.

Зам. Пред. ГПУ УССР Карлсон.

Пом. Нач. СО ГПУ УССР Абугов.

Врид. Нач. 1-го Отделения СО Козельский.
